

Международная торговля в меняющемся мире: экономико-статистический анализ

Михаил Александрович Клупт

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург, Россия

В статье на основе анализа временных рядов показателей отношения экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП представлена периодизация динамики мировой торговли в 1970–2023 гг. Приведены особенности этих показателей, требующие внимания при их интерпретации. Выявлен ступенчатый характер динамики мировой торговли в рассматриваемом периоде. Усиление интенсивности внешнеторговых связей в 1970-е годы сменилось их стагнацией в 1980-е, а затем новым ростом, остановленным, в свою очередь, глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. После его окончания и до настоящего времени рост интенсивности внешнеторговых связей в мире в целом так и не возобновился, а начиная с 2014 г. происходит нарастающая геополитическая фрагментация международной торговли. В настоящее время ее основными проявлениями стали быстрое увеличение товарооборота между Россией и Китаем, дальнейшее сокращение внешнеторгового оборота России со странами ЕС, резкое снижение в 2023 г. доли КНР в совокупном импорте США.

Сравнение динамики показателей отношения экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП с динамикой интегрального индекса глобализации KOF свидетельствует о синхронности изменений, происходящих в международной торговле и ходе глобализации в целом. Общим фактором, определяющим динамику обоих процессов, являются изменения миропорядка, а точками перелома — кризисы, порожденные этими изменениями. Движение к многополярному миропорядку сопровождается сегодня новым усилением барьерных функций межгосударственных границ, в результате которого глобализация по ряду ее важнейших направлений, включая международную торговлю, застопорилась или обратилась вспять.

Ключевые слова: миропорядок, деглобализация, фрагментация мировой торговли, международная статистика, временные ряды, соотношение внешнеторгового оборота и ВВП.

JEL: C18, F02, F14.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-2-73-83>.

Для цитирования: Клупт М.А. Международная торговля в меняющемся мире: экономико-статистический анализ. Вопросы статистики. 2024;31(2):73–83.

International Trade in the Changing World: Economic and Statistical Analysis

Mikhail A. Klupt

Saint Petersburg State University of Economics (UNECON), Saint Petersburg, Russia

Based on an analysis of the time series of the ratios of export, import, and foreign trade turnover to GDP, the article periodizes the dynamics of world trade from 1970 to 2023. The features of these indices that require attention when interpreting their changes are shown. The growth in the intensity of foreign trade was followed in the 1970s by its stagnation in the 1980s and then by a new growth which, in turn, was stopped by the global financial and economic crisis of 2008–2009. After its end and until now, the growth in the intensity of international trade in the world as a whole has not resumed. Simultaneously, since 2014 there has been an increase in geopolitical fragmentation of the world trade. Nowadays, it manifests itself primarily in the rapid growth of turnover between Russia and China, further contraction of Russia's turnover with EU countries, and a dramatic fall of China's share in the total U.S. import in 2023.

Comparison of the ratios of export, import and foreign trade turnover to GDP with the KOF globalization index reveals synchronicity of changes in international trade and globalization as a whole. The common factor guiding the dynamics of both processes is a change in the world order, the breaking points of which are the crises generated by this change. The movement toward a multipolar world order is accompanied today by new strengthening of the barrier functions of state borders, resulting in a slowdown or reverse of globalization in its most vital domains, including international trade.

Keywords: world order, deglobalization, fragmentation of the world trade, international statistics, time series, foreign trade turnover to GDP ratio.

JEL: C18, F02, F14.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-2-73-83>.

For citation: Klupt M.A. International Trade in the Changing World: Economic and Statistical Analysis. *Voprosy Statistiki*. 2024;31(2):73–83. (In Russ.)

Введение

Два десятилетия назад представление о глобализации как о необратимом процессе, быстро набирающем обороты, было доминирующим. Одним из важнейших аргументов в его пользу служил рост международной торговли — не только быстрый, но и опережающий увеличение объемов производимых в мире товаров и услуг. Однако сегодня все чаще отмечается, что глобализация вступила в фазу «слобализации» (*slowbalization*) — медленной, или застопорившейся глобализации — или даже сменилась деглобализацией. Эти относительно новые концепции, в свою очередь, требуют эмпирической проверки.

Наблюдается ли обращение глобализации вспять или фиксируется лишь ее торможение? Происходит ли трансформация ее важнейших структурных характеристик? Как связаны происходящие изменения с тектоническими сдвигами в сложившемся миропорядке? Статистический анализ динамики международной торговли, разумеется, не может дать исчерпывающего ответа на эти вопросы, но способен существенно помочь при их детальном и глубоком рассмотрении, проверке тех или иных теоретических представлений на эмпирическом материале. Такой анализ и составляет основное содержание настоящей статьи.

Статистическое измерение любого процесса требует опоры на его четкое определение. Глобализация может быть определена как процесс, в ходе которого барьерная функция государственных границ ослабевает и они становятся все более открытыми для разнообразных трансграничных потоков. Следует, однако, подчеркнуть, что процессы планетарного масштаба могут не только способствовать, но и препятствовать трактуемой подобным образом глобализации, как, например, недавняя пандемия COVID-19 и международные вооруженные конфликты, связанные с формированием многополярного миропорядка.

Ключевой тезис данной статьи, эмпирическая аргументация которого развивается далее, состоит в том, что динамика международной торговли носит ступенчатый характер. После того как сложившаяся система внешнеторговых связей достигает определенной ступени своего развития, их интенсивность на какое-то время перестает

расти. Затем происходит качественное изменение этой системы, в результате которого стагнация внешнеторговых связей сменяется ростом их интенсивности на новой институциональной и технологической основе.

При этом переход на новую, более высокую ступень развития не гарантирован. Способности международной торговли выживать даже в самые трудные времена противостоит дисбаланс интересов, принимающий особенно острые формы в кризисные периоды истории. Движение по лестнице возможно не только вверх, но и вниз. Динамика международной торговли остается историей с открытым финалом.

Вопросы интерпретации показателей

Для анализа развития мировой торговли в данной статье используются публикуемые Всемирным банком динамические ряды процентных отношений экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП¹ по большинству стран мира за более чем полувековой период. Названные показатели относятся к числу наиболее широко применяемых при анализе международной торговли, однако вопросы их интерпретации рассматриваются лишь в немногих работах [1 и 2], поэтому на них следует остановиться особо.

Наиболее распространенная интерпретация состоит в том, что увеличение объема международной торговли, опережающее рост глобального ВВП, свидетельствует о нарастании интенсивности внешнеторговых связей. Иными словами, чем больше часть произведенных в мире товаров и услуг поступает во внешнеторговый оборот, тем более интенсивными становятся международные торговые связи. В случае же отдельной страны растущая интенсивность ее внешнеторговых связей свидетельствует о все большем ее вовлечении в мировую экономику, или, иными словами, о понижении барьеров, отделяющих ее экономику от остального мира. Если для мира в целом подобная интерпретация представляется в основном верной, то применительно к отдельным странам она требует ряда оговорок и дополнений.

Прежде всего необходимо учитывать изменения геополитического контекста международной торговли. Выгоды, которые несет с собой меж-

¹ В российской статистической литературе первые два из этих показателей иногда называют экспортной и импортной квотами. Подобные наименования, несмотря на лаконичность, не вполне удачны, поскольку те же наименования носят инструменты внешнеторгового регулирования, имеющие совершенно другой и во многом противоположный смысл.

дународная торговля, очевидны, многократно описаны в литературе, и останавливаться на них в данной статье вряд ли целесообразно. Намного большего внимания заслуживает тот факт, что увеличение значений показателей экспорта, импорта и внешнеторгового оборота по отношению к ВВП не всегда влечет за собой позитивные последствия, а их уменьшение — негативные.

Происходящие сегодня изменения миропорядка во многом обусловлены нарастающей мощью экономик крупнейших незападных стран, и прежде всего Китая и Индии. Следствием этого является рост благосостояния их населения, расширение внутреннего спроса и переориентация экономики на внутренний рынок. Так, экспорт товаров и услуг Китая, составлявший в 1978 г. (в момент начала экономических реформ) 17,4% ВВП, увеличивался до 2006 г. (36,0% ВВП), а затем начал снижаться — до 20,7% в 2022 г. Экспорт товаров и услуг Индии вырос с 3,8% ВВП в 1970 г. до 25,4% в 2013 г., однако в последующие годы ни разу больше не достигал этой величины, варьируя в интервале от 19 до 23%².

Движение от однополярного к многополярному миропорядку происходит в условиях нарастающей геополитической напряженности и вызванных ею санкционных и торговых войн. В этой обстановке импортозамещение, каким бы ни были его экономические «плюсы» и «минусы», часто становится военно-политическим императивом. Этот процесс особенно ярко проявляется в России, однако охватывает и другие, в том числе западные страны. Термины *friend-shoring* и *ally-shoring* (перемещение производства в дружественные и союзные страны и увеличение их доли в структуре внешней торговли) были, например, запущены в оборот именно западными медиа. Снижение значений показателей отношения экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП может, таким образом, свидетельствовать и о переориентации экономики страны на растущий внутренний спрос и укреплении ее экономического и политического суверенитета, а их повышение — о нарастающей внешнеполитической и экономической уязвимости.

При интерпретации рассматриваемых показателей следует также учитывать и ряд обстоятельств, не связанных непосредственно с современным геополитическим контекстом. Поскольку экспорт и импорт учитываются на основе фактических цен сделок, отнесение их стоимостных объемов к ВВП, также определяемому в фактических ценах, в какой-то степени позволяет устранить влияние инфляции. Следует, однако, учитывать, что полностью исключить воздействие ценового фактора при этом не удастся — в частности, из-за различий в ценообразовании на торгуемые и неторгуемые товары. На цены первых из них конъюнктура мировых рынков влияет значительно сильнее, чем на цены вторых, поскольку они, по определению, не торгуются за пределами рассматриваемой страны. Числитель рассматриваемых показателей (экспорт, импорт и внешнеторговый оборот) зависит, таким образом, только от динамики цен на торгуемые товары, тогда как знаменатель (ВВП) — от цен как на торгуемые, так и неторгуемые товары. В результате на динамику относительных показателей экспорта, импорта и внешнеторгового оборота влияет соотношение цен на мировом рынке и внутри страны.

Данное обстоятельство оказывает особенно значительное влияние на динамику рассматриваемых показателей в периоды быстрых изменений цен на сырьевые товары, и прежде всего на энергоносители, поскольку такие изменения, как правило, воздействуют на экспорт, импорт и внешнеторговый оборот больше, чем на ВВП. Так, в результате скачка цен на энергоносители³ импорт Германии (в млрд евро) вырос в 2022 г. к предыдущему году на 24,3%, тогда как ВВП в текущих ценах (также в млрд евро) — лишь на 7,4%⁴. Ростом цен на энергоносители во многом объяснялось значительное увеличение отношения импорта к ВВП: в Германии при пересчете в доллары США по текущему обменному курсу — с 41,9% в 2021 г. до 49,0% в 2022 г.; в Европейском союзе в целом, соответственно, с 46,7 до 54,5%.

Регрессионный анализ на данных по 82 странам за 1970–2019 гг. также обнаружил статистически значимое на 1%-м уровне влияние шоков,

² Здесь и далее в качестве источника данных о динамике процентных отношений экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП используются данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS4>; <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (дата обращения 12.02.2024).

³ Среднегодовая цена барреля нефти марки *Brent* выросла в 2022 г. на 44,5% к предыдущему году: с 70,1 доллара США в 2021 г. до 101,32 доллара США в 2022 г. Energy Institute Statistical Review of World Energy, 2023. P. 24. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения 12.02.2024).

⁴ URL: https://www.destatis.de/en/press/2023/02/pe23_044_51.html; https://www.destatis.de/en/press/2023/01/pe23_037_811.html (дата обращения 12.02.2024).

вызванных изменениями цен импорта, на отношение внешнеторгового оборота к ВВП. Для экспортных ценовых шоков такое воздействие было более слабым, но все же значимым как для всей совокупности стран (на 10%-м уровне), так и стран Латинской Америки (1%-м) и Африки южнее Сахары (на 10%-м уровне) [1].

В целях сопоставимости процентные отношения показателей экспорта, импорта и внешнеторгового оборота пересчитываются Всемирным банком в доллары США по текущим обменным курсам. Такой пересчет, однако, неизбежно влечет за собой зависимость этих показателей от курсовой динамики. В России, например, платежный баланс по-прежнему составляется в долларах США, вследствие чего роль этого фактора становится особенно значительной при высокой волатильности обменных курсов, подобной той, что наблюдалась в 2022 и 2023 гг.

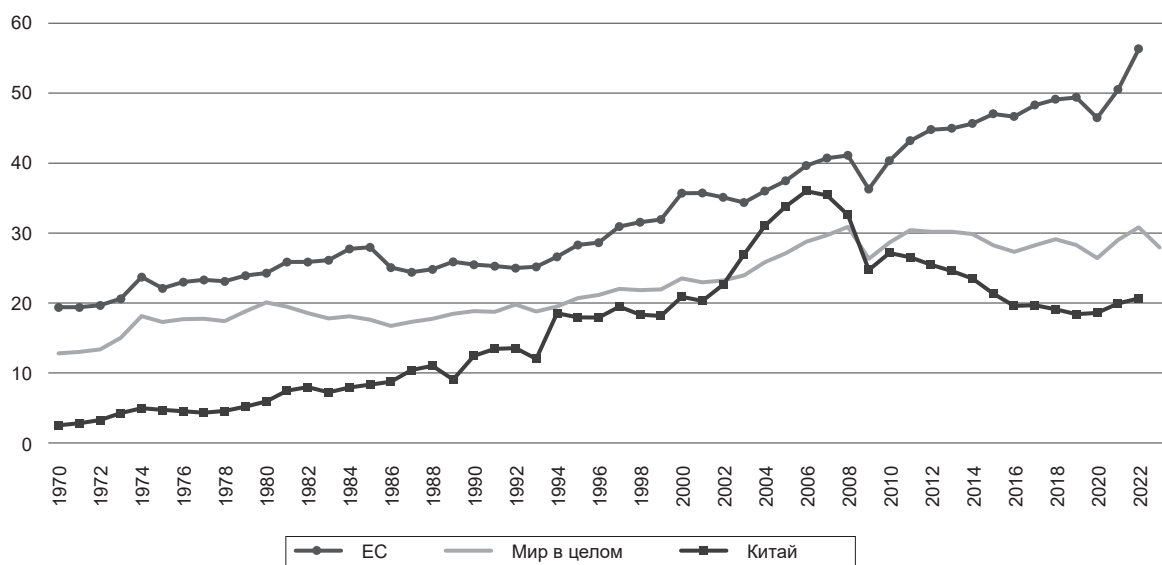
При проведении международных сравнений следует учитывать и то, что процентные отношения экспорта, импорта и внешнеторгового оборота к ВВП зависят от масштабов экономики страны. В более крупных экономиках значения данных показателей, как правило, ниже, хотя тес-

нота связи между ними и объемом экономической деятельности достаточно умеренна. Так, в 2022 г. для стран, занимающих первые 30 мест в мире по ВВП, пересчитанному в доллары США по обменным курсам, коэффициент корреляции между этим показателем и отношением внешнеторгового оборота к ВВП составлял $-0,374$ и был значим на 5%-м уровне, а для стран, занимающих первые 50 мест, $-0,255$ при уровне значимости $0,0744^5$.

Наконец, следует отметить, что хотя теоретически стоимостные объемы мирового экспорта и мирового импорта должны совпадать, на практике могут наблюдаться некоторые расхождения в их статистических оценках. Это, в частности, объясняется тем, что экспорт товаров рассчитывается в ценах ФОБ, тогда как импорт — в ценах СИФ, а пересчет импорта в цены ФОБ связан с определенными погрешностями и остается предметом методологических дискуссий⁶.

Ступени динамики

Ступенчатый характер динамики международной торговли и ее межстрановые различия хорошо видны на рис. 1.

Примечание. 2023 г. для мира в целом — предварительная оценка по данным МВФ и ЮНКТАД. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/ngdpd@weo/oemdc/advoc/weoworld>; <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2023d3.pdf>. Данные по Китаю приведены без учета специальных административных районов КНР Гонконга и Макао.

Рис. 1. Динамика отношения экспорта товаров и услуг к ВВП, 1970–2023 годы (в процентах)

Источник: данные Всемирного банка.

⁵ Расчеты автора на основе данных Всемирного Банка (URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038130> (дата обращения 12.02.2024) и источников, указанных в сноске 2.

⁶ См., например, International Monetary Fund. Thirty-Fourth Meeting of the IMF Committee on Balance of Payments Statistics. Washington, D.C. October 26–29, 2020. P. 11. Valuation of Imports and Exports of Goods in the International Standards (CIF to FOB Adjustment). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2020/pdf/20-06.pdf> (дата обращения 12.02.2024).

Увеличение в 1970-е годы мирового экспорта по отношению к ВВП с 12,7% в 1970 г. до 20,1% в 1980 г. сменилось спадом, в результате которого уровень 1980 г. был превзойден лишь полтора десятилетия спустя (20,7% в 1995 г.). В первой половине 1990-х годов начался процесс, часто называемый в западной литературе гиперглобализацией. Одной из его важнейших составляющих стал продолжительный рост показателя отношения мирового экспорта к ВВП, значения которого достигли в 2008 г. 31,0%. Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008 и 2009 гг. остановил рост интенсивности внешнеторговых связей, не возобновившийся до настоящего времени.

Динамика внешней торговли как КНР, так и Европейского союза долгое время характеризовалась практически непрерывным ростом. Однако незадолго до глобального финансово-экономического кризиса Китай приступил к переориентации своей экономики на внутренний спрос, и начиная с 2007 г. темпы роста его экспорта стали уступать темпам роста ВВП. В ЕС, напротив, экспорт по-прежнему увеличивался быстрее объемов производства товаров и услуг. Остановимся на характеристике указанных на рис. 1 периодов развития международной торговли более подробно.

Динамика международной торговли в 1970-е и 1980-е годы. Ступенчатый характер динамики международной торговли обозначился уже в 70-е и 80-е годы прошлого века (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика интенсивности международной торговли, 1970–1990 годы
(внешнеторговый оборот в процентах к ВВП)

	1970	1980	1990
Мир в целом	25,0	37,0	37,6
Китай	4,2	12,4	22,2
СССР	...	15,2*	13,2*
США	10,8	20,1	19,8
ФРГ	31,7	41,9	43,6
Япония	19,2	26,6	19,3

* Внешнеторговый оборот в процентах к валовому национальному продукту.

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: 1991. С. 5, 644; данные Всемирного банка.

Если в первом из этих десятилетий интенсивность международной торговли быстро увеличивалась и мировой внешнеторговый оборот в мире в целом вырос (с 25,0 до 37,0% ВВП), то во втором его рост практически прекратился (37,6% в 1990 г.). Отличительной чертой 1980-х годов была озабоченность правительств западных стран защитой внутренних рынков, а международные переговоры, направленные на смягчение протекционизма, приносили лишь ограниченные результаты.

Яркой иллюстрацией стало «добровольное» (в действительности — под сильным давлением США) ограничение Японией экспорта своих товаров на американский рынок. Так, экспорт японских автомобилей в США снизился с 3,5 млн в 1986 г. до 2,2 млн штук в 1990 г. [3, р. 9]. Экспорт Японии, составлявший в 1970 г. 10,4% ВВП, к 1986 г. вырос до 14,4% ВВП, но затем вернулся к уровню на начало рассматриваемого периода, составив в 1990 г. 10,2%. Однако стремление США предотвратить рост дефицита своего торгового баланса с помощью ограничений, «добровольно» принимаемых иностранными партнерами, не увенчалось успехом. Для товаров и услуг такой дефицит в США вырос с 0,5% ВВП в 1980 г. до 2,6% в 1985 г. и с тех пор остается хронической проблемой американской экономики.

Межстрановые различия в динамике внешнеторговых связей в этом и последующих периодах были весьма значительными. СССР в рассматриваемый период стал одним из крупнейших в мире экспортеров нефти, и динамика его внешнеторгового оборота существенно зависела от колебаний цен на нее на мировых рынках. Отношение внешнеторгового оборота СССР к валовому национальному продукту, выросшее с 15,2% в 1980 г. до 18,3% в 1985 г., к 1990 г. снизилось до 13,2%. В 1989 и 1990 гг. торговый баланс СССР был дефицитным, и «увеличение объемов импортных товаров, особенно из развитых капиталистических стран, при сокращении экспорта привело к росту задолженности страны зарубежным странам»⁷. В Китае экономические реформы, начавшиеся в 1978 г., повлекли за собой рост экспорта, составлявшего в 1978 г. 4,6% ВВП, до 12,5% в 1990 г.

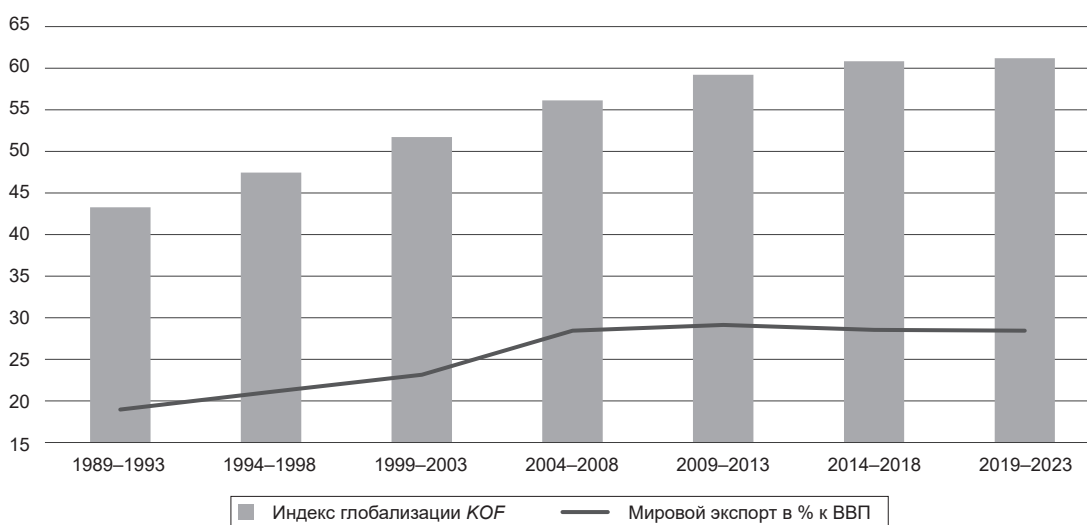
⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М., 1991. С. 44.

Мировая торговля до и после «великой рецессии».

Рост интенсивности мировой торговли, начавшийся в 1990-е годы и длившийся до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. («великой рецессии», как называли его в западных масс-медиа), был тесно связан с новым однополярным миропорядком, доминирующую роль в котором после распада СССР стали играть США. В этот период гиперглобализации была создана Всемирная торговая организация (ВТО), сняты многие барьеры на пути трансграничных потоков движения товаров, услуг и капитала. «Баланс политической власти, — отмечал в этой связи Д. Родрик, — в 1990-е годы сместился в богатых странах от протекционистов к лобби

экспортеров и инвесторов» [4, р. 30]. Влияние на экономическую и политическую жизнь транснациональных корпораций, ВТО и МВФ росло, а правительств — ослабевало.

Ускорение глобализации происходило не только в сфере международной торговли, но и в сферах движения капиталов, рабочей силы, обмена информацией, включая развитие онлайн-коммуникаций, и интернационализации практик массового потребления, ярким примером которой стала «макдональдизация». Динамика индекса глобализации *KOF*⁸, охватывающего все эти направления, показывает, что рост доли мирового экспорта в мировом ВВП происходил синхронно с процессами глобализации в других областях (см. рис. 2).

Примечание. Среднее значение индекса глобализации *KOF* для периода 2019–2023 гг. приведено по последним имеющимся данным за 2019–2021 гг.

Рис. 2. Средние значения мирового экспорта (в процентах к ВВП) и индекса глобализации *KOF* по пятилетним периодам с 1989 по 2023 год

Источник: URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>; данные Всемирного банка.

Однако последующий ход событий показал, что триумф гиперглобализации оказался временным. В ходе глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. объем мировой торговли снизился значительно сильнее, чем ВВП. По оценке Европейского центрального банка, в период между III кв. 2008 г. и II кв. 2009 г. сокращение объема внешней торговли в мире в целом составило

около 15%, тогда как глобальный ВВП снизился лишь на 2%⁹. Торгуемые товары оказались более уязвимыми для кризиса, чем неторгуемые товары и услуги, из-за снижения спроса на импортные товары, более высоких рисков при торговле с иностранными покупателями и продавцами и проблем с кредитованием внешнеэкономической деятельности [5].

⁸ Индекс глобализации *KOF* разработан Швейцарским экономическим институтом, публикующим динамические ряды его значений для отдельных стран и мира в целом. Представляет собой интегральный показатель, рассчитываемый как средняя взвешенная из значений нескольких десятков переменных, характеризующих различные аспекты глобализации. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения 12.02.2024).

⁹ European Central Bank. European monthly bulletin. October 2010. P. 16. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/mobu/mb201010en.pdf> (дата обращения 12.02.2024).

Какое-то время казалось, что подобное развитие событий — обычный элемент экономического цикла с присущими ему подъемами и спадами. Однако последующее развитие показало, что вслед за кризисом 2008–2009 гг. произошел переход к новому этапу динамики международной торговли. За «великой рецессией» последовала остановка роста интенсивности внешнеторговых связей, продолжающаяся до настоящего времени. Резкое торможение глобализации произошло и в других областях. Быстрый рост индекса глобализации *KOF* в период гиперглобализации (в 1989 г. — 42, в 2008 г. — 58) по ее окончании существенно замедлился (в 2015 г. — 60), а начиная с 2016 г. и вовсе застыл на отметке 61¹⁰.

Причины, по которым гиперглобализация исчерпала себя, подробно проанализированы во многих работах как российских, так и зарубежных исследователей [4, 6–8]. Обобщение этих причин приводит к выводу, что по прошествии определенного времени итоги гиперглобализации

перестали устраивать не только многие незападные страны, но парадоксальным образом и ее главного инициатора — США.

Нарастающая экономическая мощь Китая породила стремление ограничить импорт китайских товаров на американские рынки с помощью протекционистских и санкционных мер. Риски, связанные с чрезмерной зависимостью от внешних рынков, начали принимать в расчет и другие страны. В результате, по оценкам *Global Trade Alert*¹¹, на протяжении 2009–2019 гг. количество принимаемых в мире протекционистских мер устойчиво превышало число мер, направленных на либерализацию внешней торговли. Основную роль при этом играли нетарифные барьеры — прежде всего субсидии местным производителям. Объем внешней торговли в мире продолжал расти, но уже не опережал, как прежде, рост произведенных товаров и услуг. Китай и США — крупнейшие участники международной торговли — внесли основной вклад в этот процесс (см. таблицу 2).

Таблица 2

Структурная динамика оборота международной торговли, 1993–2019 годы

	Внешнеторговый оборот в процентах к ВВП			Прирост внешнеторгового оборота за период, млрд долларов США			
				всего		в том числе за счет увеличения или уменьшения (-) интенсивности международной торговли*	
	1993	2008	2019	1993–2008	2008–2019	1993–2008	2008–2019
Европейский союз	51,4	82,0	92,3	9886,9	1115,5	2067,5	1671,0
Индия	19,7	53,4	39,9	584,9	491,7	94,2	-161,4
Китай	25,9	72,4**	44,1**	3339,1	2978,2	288,2	-1370,8
Россия	68,7	53,4	49,2	587,7	-53,1	-66,6	-69,0
США	20,0	29,9	26,5	3037,0	1244,3	674,0	-504,5
Япония	15,7	34,1	35,2	1029,7	59,5	835,2	55,5
Остальные страны	60,6	72,1	72,9	10 597,5	4523,4	773,8	155,9
Мир в целом	38,8	61,1	56,5	29 062,9	10 359,5	4666,4	-223,3

* Рассчитано по формуле $Q_0(s_1 - s_0)$, где Q_0 — ВВП в текущих ценах в базисном периоде; s_1 и s_0 , соответственно, отношение внешнеторгового оборота к ВВП в текущем и базисном периодах.

** Включая Гонконг и Макао.

Источник: данные Всемирного банка и расчеты автора.

Структурная динамика международной торговли в 2008–2019 гг. включала в себя, впрочем, и противоположные тенденции. В странах Европейского союза, в отличие от Индии, Китая, России и США, рост внешнеторгового оборота опережал рост ВВП. Причинами этого были традиционно высокая роль внешнеторговых связей

в экономике стран — основателей ЕС и (одновременно) высокая вовлеченность во внутренние экспортно-импортные потоки ЕС стран, вступивших в это объединение уже в 2000-е годы. Фактор членства в ЕС продолжал, как показывают данные таблицы 3, играть существенную роль и при элиминировании масштаба экономики.

¹⁰ URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения 12.02.2024).

¹¹ URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения 12.02.2024).

Внешнеторговый оборот крупнейших стран, входящих и не входящих в ЕС, 2022 год

Ранги стран по величине ВВП в долларах США по обменному курсу*	Страны — члены ЕС		Страны, не входящие в ЕС	
	Число стран	Внешнеторговый оборот в процентах к ВВП	Число стран	Внешнеторговый оборот в процентах к ВВП
1–10	3	82,6	7	45,8
11–20	2	128,6	8	72,9
21–30	3	176,7	7	98,3
31–40	3	89,9	7	84,6
41–50	4	109,8	6	55,1

* Ранг 1 соответствует наибольшему объему ВВП. Данные по Сингапуру и Нигерии не включены в анализ — в первом случае из-за нетипично большого значения процентного отношения внешнеторгового оборота к ВВП (336,9%), во втором — из-за отсутствия данных о значении этого показателя.

Источник: данные Всемирного банка и расчеты автора.

Пандемия COVID-19 в очередной раз показала, что процессы планетарного масштаба могут не только способствовать глобализации, но и препятствовать ей. Проблемы, вызванные пандемией, носили общепланетарный характер и в то же время препятствовали глобализации. Режимы пересечения границ стали более жесткими, международные авиаперевозки, а с ними и транспортная доступность резко снизились. Многие страны, опасаясь дефицита медикаментов и продовольственных товаров, временно ограничили их экспорт. По данным *Global Trade Alert*, число новых протекционистских мер в мире выросло в начале пандемии почти вдвое — с 2996 в 2019 г. до 5892 в 2020 г.¹²

В то же время пандемия продемонстрировала способность международной торговли быстро приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам. Спад интенсивности внешнеторговых связей, вызванный пандемией COVID-19, был не столь глубоким и более коротким, чем во время кризиса 2008–2009 гг. Основной удар по глобальной экономике пришелся, как показали последующие исследования [9], на первую половину 2020 г. — период, в котором страны только учились жить в новых условиях. Мировой экспорт, составлявший в 2019 г. 28,8% от произведенного в мире ВВП, снизился до 26,4% в 2020 г., но затем вернулся к «доковидному» уровню, составив в 2021 г. 28,9% и в 2022 г. 30,6%.

В 2023 г., по предварительной оценке ЮНКТАД¹³, объем мирового экспорта товаров и услуг снизился по сравнению с предыду-

щим годом на 4,5%, а мировой ВВП в текущих ценах, по предварительной оценке МВФ, вырос на 4,3%¹⁴. С учетом этого можно ожидать, что отношение мирового экспорта к мировому ВВП снизится в 2023 г. до 28,0% — несколько меньше среднего значения этого показателя в 2010–2019 гг. (29,1%). Таким образом, возобновления роста интенсивности внешнеторговых связей в мире на устойчивой основе так и не произошло.

Фрагментация международной торговли

Начало современному этапу фрагментации международной торговли положили антироссийские санкции, введенные западными странами в 2014 г. и повлекшие за собой переориентацию российской внешней торговли на азиатских партнеров. По данным ФТС России, доля ЕС в российском внешнеторговом обороте, составлявшая в 2013 г. 53,8%, снизилась к 2021 г. до 35,9%, тогда как доля КНР выросла за тот же период с 10,5 до 17,9%. В январе-ноябре 2023 г. на долю азиатских стран приходилось уже 71,6% российского экспорта, тогда как на долю европейских — только 20,3%. Для импорта эти показатели составили, соответственно, 27,6 и 65,6%¹⁵. Товарооборот между Россией и странами ЕАЭС вырос в 2022 г. на 14% по сравнению с 2021 г., а за первые девять месяцев 2023 г. — еще на 8% к соответствующему периоду 2022 г.¹⁶

В июле 2018 г. новый импульс фрагментации мировой торговли придало решение админи-

¹² URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics (дата обращения 12.02.2024).

¹³ URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2023d3.pdf>.

¹⁴ URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/WEO_WORLD (дата обращения 12.02.2024).

¹⁵ URL: <https://customs.gov.ru/folder/511>; <https://customs.gov.ru/folder/511>; <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 05.02.2024).

¹⁶ URL: https://www.alt.ru/ts_news/106830/?ysclid=ls6in89c45338408152 (дата обращения 12.02.2024).

страции президента США Д. Трампа ввести 25%-ные таможенные пошлины на целый ряд китайских товаров, импортируемых в США. В ответ КНР ввела такие же таможенные тарифы в отношении 545 наименований американского экспорта в КНР. Для каждой из сторон стоимостный объем товаров, попавших под тарифные ограничения, составил около 34 млрд долларов США¹⁷. Установление этих таможенных барьеров положило начало торговым войнам США и КНР, продолжающимся по сей день.

С началом в феврале 2022 г. российской специальной военной операции фрагментация международной торговли резко усилилась и вновь, как и во времена холодной войны, приобрела блоковый характер (см. таблицу 4).

Товарооборот между геополитическими союзниками рос, тогда как между геополитическими соперниками снижался. При этом, в отличие от геополитической дистанции, территориальное расстояние между странами не играло в усилении фрагментации сколько-нибудь существенной роли [10].

Таблица 4

Прирост/снижение (-) двустороннего товарооборота между странами с различной геополитической дистанцией* по сравнению с I кварталом 2022 года (в процентах)

Группы стран в зависимости от геополитической дистанции	2022			2023		
	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Очень далекие	-0,8	-1,7	-4,0	-2,4	-3,9	-5,1
Далекие	-0,5	-0,3	-1,1	-1,8	-1,8	-4,4
Близкие	0,9	1,2	3,1	2,7	3,6	6,2

* Геополитическая дистанция между странами определялась ЮНКТАД по результатам голосований в ООН.

Источник: ЮНКТАД. URL: <https://unctad.org/news/global-trade-expected-shrink-nearly-5-2023-amid-geopolitical-strains-and-shifting-trade> (дата обращения 12.02.2024).

Геополитический фактор внешней торговли ярко проявил себя в изменении структуры товарооборота Китая. По данным таможенной статистики КНР¹⁸, при общем снижении в 2023 г. экспорта Китая на 4,6%, а импорта на 5,5% к предыдущему

году экспорт Китая в Россию вырос на 46,9%, а импорт из России — на 12,7%. В отличие от этого товарооборот Китая с Германией и США заметно снизился (см. таблицу 5).

Таблица 5

Товарооборот Китая с Россией, Германией и США в 2023 году

Торговые партнеры КНР	Экспорт товаров из КНР в страны-партнеры, млрд долларов США	Прирост/снижение (-) к 2022 г., в процентах	Импорт товаров в КНР из стран-партнеров, млрд долларов США	Прирост/снижение (-) к 2022 г., в процентах
Мир в целом	3380,0	-4,6	2556,8	-5,5
Россия	111,0	46,9	129,1	12,7
Германия	100,5	-13,0	106,2	-4,2
США	500,2	-13,1	164,1	-6,8

Источник: данные таможенной статистики Китая.

Китай, долгое время занимавший первое место среди импортеров товаров в США, по итогам 2023 г. уступит лидерство Мексике, а возможно и Канаде. Доля КНР в совокупном импорте товаров в США, превышавшая в 2017 г. 21%,

после начала торговых войн значительно снизилась и, по данным за январь-ноябрь 2023 г., сократилась до 13,6% — минимального значения с 2004 г.¹⁹

¹⁷ South China Morning Post, Aug. 29, 2021. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3146489/us-china-trade-war-timeline-key-dates-and-events-july-2018> (дата обращения 05.02.2024).

¹⁸ URL: <https://portal.hktdc.com/resources/RMIP/20240122/h4gp408-MjMxMl9FeHBvcnRzYnlDb3VudHJ5.pdf>; <https://portal.hktdc.com/resources/RMIP/20240122/t1zemcr-MjMxMl9JbXBvcnRzYnlDb3VudHJ5.pdf> (дата обращения 12.02.2024).

¹⁹ Nikkei Asia, Jan. 11, 2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade/China-set-to-lose-crown-as-top-U.S.-exporter-after-17-years> (дата обращения 12.02.2024).

Выводы

Сопоставление динамики показателей мировой торговли по отношению к мировому ВВП и индекса глобализации *KOF* свидетельствует о синхронности их изменений. Глубинным фактором, определяющим как динамику внешне-торговых связей, так и ход глобализации в целом, является изменение миропорядка. Переломные точки этих двух процессов приходятся, как правило, на периоды международных кризисов.

Масштабы этих кризисов неодинаковы, однако все они в конечном счете представляют собой кульминацию накопившихся ранее противоречий. В рассматриваемом периоде такими кризисами стали распад СССР и советского военно-политического блока, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. и начавшаяся в 2022 г. российская специальная военная операция. Если первый из этих кризисов резко ускорил глобализацию, то три остальных остановили ее поступательный ход. В конце 2023 г. – начале 2024 г. к ним прибавился кризис судоходства в Красном море, в результате которого транспортные издержки контейнерной торговликратно возросли²⁰.

Статистический анализ, представленный в данной статье, свидетельствует о том, что пауза в поступательной динамике глобализации и международной торговли как составной ее части длится уже полтора десятилетия. Однако эта пауза не означает неподвижности. Хотя объем международной торговли по отношению к мировому ВВП перестал расти, наблюдается интенсивная реструктуризация мирохозяйственных связей.

К числу ее важнейших направлений относится фрагментация международной торговли. Разделение мировой экономики на геополитические блоки обозначилось уже с введением в 2014 г. антироссийских санкций и усилилось после начала в 2018 г. торговых войн между КНР и США. Начиная с 2022 г. фрагментация международной торговли еще больше ускорилась. Статистические данные за 2023 г. зафиксировали прямую зависимость динамики товарооборота между странами от их геополитической дистанции. Проявлениями этой закономерности стали значительное увеличение доли КНР и ЕАЭС во внешней торгов-

ле России, быстрый рост российско-китайского внешнеторгового оборота и снижение доли китайских товаров в совокупном импорте США до почти двадцатилетнего минимума. Фрагментация международной торговли обуславливает растущую значимость статистического анализа мирохозяйственных связей и хода глобализации в геополитическом разрезе.

Литература

1. **Bleaney M., Tian M.** The Trade-GDP Ratio as a Measure of Openness // *The World Economy*. 2023. Vol. 46. No. 5. P. 1319–1332. doi: <https://doi.org/10.1111/twec.13355>.
2. **Gräbner C.** et al. Measuring Economic Openness // *wiiw Working Paper*, No. 157. Vienna: The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), 2018. URL: <http://hdl.handle.net/10419/204022>.
3. **Satake M.** Trade Conflicts Between Japan and the United States over Market Access: The Case of Automobiles and Automotive Parts // *Asia Pacific Economic Papers*. 2000. No. 310. P. 1–32. URL: <https://crawford.anu.edu.au/pdf/pep/pep-310.pdf>.
4. **Rodrick D.** Globalization Wrong Turn. And How It Hurt America // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. No. 4. P. 26–33. URL: https://drodrick.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/globalizations_wrong_turn.pdf.
5. **Bems R., Johnson K., Kei-Mu Yi.** The Great Trade Collapse // *NBER Working Papers* 18632. Cambridge, MA: December 2012. doi: <https://doi.org/10.3386/w18632>.
6. **Архипова В.В.** Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 5. С. 40–49. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-5-40-49>.
7. **Комолов О.О.** Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2021. Т. 18. № 2(116). С. 34–47. doi: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-34-47>.
8. **Паньков В.С.** 2020 год – глобализация или деглобализация? // *Международная жизнь*. 2010. № 5. С. 163–176. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248>.
9. **Hayakawa K., Mukunoki H.** The Impact of COVID-19 on International Trade: Evidence from the First Shock // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021. Vol. 60. Article 101135. P. 1–5. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2021.101135>.
10. **Blanga-Gubbay M., Rubínová S.** Is the Global Economy Fragmenting? // *World Trade Organization Staff Working Paper*. No. ERSD-2023-10. WTO, 2023. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202310_e.pdf.

²⁰ Так, транспортные издержки на доставку контейнеров из Шанхая в Геную выросли в январе 2024 г. по сравнению с началом декабря 2023 г. более чем в 3,5 раза. URL: <https://www.jpmmorgan.com/insights/global-research/supply-chain/red-sea-shipping> (дата обращения 12.02.2024).

Информация об авторе

Клупт Михаил Александрович — д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ). 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30/32. E-mail: klupt@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9423-4363>.

References

1. Bleaney M., Tian M. The Trade-GDP Ratio as a Measure of Openness. *The World Economy*. 2023;46(5):1319–1332. Available from: <https://doi.org/10.1111/twec.13355>.
2. Gräbner C. et al. Measuring Economic Openness. *wiiw Working Paper 157*. Vienna: The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw); 2018. Available from: <https://wiiw.ac.at/measuring-economic-openness-dlp-4741.pdf>.
3. Satake M. Trade Conflicts Between Japan and the United States over Market Access: The Case of Automobiles and Automotive Parts. *Asia Pacific Economic Papers*. 2000;(310):1–32. Available from: <https://crawford.anu.edu.au/pdf/pep/pep-310.pdf>.
4. Rodrick D. Globalization Wrong Turn. And How it Hurt America. *Foreign Affairs*. 2019;98(4):26–33. Available from: https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/globalizations_wrong_turn.pdf.
5. Bems R., Johnson K., Kei-Mu Yi. The Great Trade Collapse. *NBER Working Papers 18632*. Cambridge, MA; December 2012. Available from: <https://doi.org/10.3386/w18632>.
6. Arkhipova V.V. World Financial System: Globalization or Deglobalization? *World Economy and International Relations*. 2016;60(5):40–49. (In Russ.). Available from: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/05_2016/40_49ARKHIPOVA.pdf.
7. Komolov O.O. Deglobalization: New Trends and Challenges in World Economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2021;18(2):34–47. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-34-47>.
8. Pankov V.S. 2020 – Globalization or Deglobalization? *The International Affairs*. 2010;(5):163–176. (In Russ.) Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/248>.
9. Hayakawa K., Mukunoki H. The Impact of COVID-19 on International Trade: Evidence from the First Shock. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021;60:Article 101135. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2021.101135>.
10. Blanga-Gubbay M., Rubínová S. Is the Global Economy Fragmenting? *World Trade Organization Staff Working Paper*. No. ERSD-2023-10. WTO; 2023. Available from: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202310_e.pdf.

About the author

Mikhail A. Klupt — Dr. Sci. (Econ.), Professor; Professor of Department of Statistics and Econometrics, Saint Petersburg State University of Economics (UNECON). 30/32, Griboedov Canal Emb., St. Petersburg, 191023, Russia. E-mail: klupt@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9423-4363>.